

На этот раз на дне было написано не «батюшка» и не «матушка», а большая размазанная клякса. Похоже, было написано что-то более сложное, чем «батюшка» или «матушка», но чернила расплылись, превратив всё в нечитаемое пятно.

Сюань Минь поднял ещё два слитка — на обоих было то же самое.

Однако на одном из них клякса была менее густой, и Сюань Минь с трудом разобрал большую часть иероглифа «Лю».

Сюань Минь мало что знал о семье советника Лю, и, увидев этот иероглиф, мог думать только о самом советнике и его двух сыновьях. Но судя по размазанным чернилам, там было написано ни «Лю Сюй», ни «Лю Чун», ни «Лю Цзинь».

Когда он наклонился, чтобы поднять ещё один слиток, что-то выкатилось из его потайного кармана на поясе.

Это что-то вскрикнуло «ой!» и, упав прямо на кучу бумажных слитков, вдруг раздулось, как надутый мех, и превратилось в живого человека.

Кожа этого человека была бледной, под глазами легла синева — типичный вид уставшего учёного. Это был никто иной, как Цзян Шинин.

Он, кажется, и сам не понимал, как вдруг превратился из бумажной оболочки в человека, и с недоумением произнёс:

— Как это я свалился?

Увидев, что даже такое превращение не испугало Лю Чуна, Сюэ Сянь тоже перестал притворяться и ответил:

— Из-за сильной энергии инь.

В конце концов, духи любят инь. Цзян Шинин не мог двигаться днём именно из-за избытка энергии ян. Энергия инь в комнате Лю Чуна была настолько густой, что даже превосходила «выдержанный аромат» старого кладбища, — естественно, это пошло Цзян Шинину на пользу.

Однако странно, что при такой сильной энергии инь Лю Чун всё ещё был жив и здоров.

— А ты почему не свалился? — удивился Цзян Шинин.

Сюэ Сянь раздражённо буркнул:

— Увы, не умер ещё, не из вашей компании.

— Раз не умер, чего же ты за старую бумажную оболочку цепляешься? — Цзян Шинин решил, что этот Сюэ, наверное, не в себе.

Раз не дух — значит, тело цело. Раз тело цело — насколько же надо быть праздным, чтобы вытащить душу и жить в бумажной оболочке? Не иначе как болезнь.

Сюэ Сянь, болтаясь на пальце Сюань Миня, лениво ответил:

— А тебе-то что? Лучше бы встал, раз уж разговорился.

Этот чахоточный учёный, превратившись в живого человека, пусть даже тощего, как щепка, весил немало. Бумажные слитки не выдерживали тяжести, и после его падения большая часть смялась — «золотая гора» вмиг превратилась в равнину.

Когда он огляделся и понял, на чём сидит, испуганно сложил руки в приветствии и извинился перед Лю Чуном:

— Виноват, виноват.

Пока он вставал, ошеломлённый Лю Чун наконец с опозданием среагировал. Увидев приплюснутые бумажные слитки, он громко закричал:

— А-а-а! —

и, не церемонясь, оттолкнул Цзян Шинина в сторону, сам опустился на колени и принялся аккуратно складывать смятые слитки.

У глупца сила куда больше, чем у обычного человека, и тщедушный Цзян Шинин не устоял. Он кувыркнулся, ударившись о деревянный комод.

Комод сдвинулся на несколько цуней и с грохотом стукнулся о стену.

Цзян Шинин, весь в пыли, смущённо опёрся о пол, собираясь встать и помочь Лю Чуну сложить слитки в испуление вины. Но едва он надавил — резко втянул воздух и дёрнул руку назад.

На его ладони зияла дыра, от боли он скривился и нахмурился, но крови не было.

Таково уж тело из бумажной оболочки: позволяет одиноким душам ступать по земле, касаться предметов, будто они наполовину живы, — но и повреждается легко.

— Под комодом что, гвозди торчат? — с досадой пробормотал Цзян Шинин, затем повернулся в сторону Сюэ Сяня и тихо добавил:

— В следующий раз... если будет следующий, можно не бумагу, а кожу взять?

Сюэ Сянь:

— Давай уж сразу человеческую сдерём.

Цзян Шинин: «...»

На лице Сюань Миня по-прежнему не было ни волнения, но пальцы его двинулись — и точно прижали рот Сюэ Сяню, чтобы этот несносный негодник не начал говорить чепухи.

Сюэ Сянь: «...»

— Э-э? Странно... на этом гвозде ещё бумажка нанизана, — Цзян Шинин, поднимаясь, краем глаза глянул на то место, где гвоздь проколол ему руку, и тут же заметил нечто любопытное.

Услышав это, Сюань Минь нахмурился, приподнял край монашеского одеяния и присел на корточки.

На открывшемся после сдвига комода участке пола торчал острый угол. Сюань Минь оторвал полоску от подола своей одежды и, накрыв ею кончик, провёл пальцем. Слой старой грязи осыпался, и угол проступил яснее.

Судя по желтоватому цвету, это был медный гвоздь с тремя продольными гранями.

Раз он покрыт таким слоем старой грязи, значит, вбит сюда как минимум два-три года назад. Но ни пятнышка ржавчины — по-прежнему блестит, видно, штука не простая.

И главное — на нём была нанизана какая-то бумага.

Сюань Минь опустил взгляд и, используя белую холстину, смахнул с бумаги толстый слой пыли.

Как и ожидалось, это был жёлтый лист, на котором киноварью был начертан сложный узор.

Даже не зная содержания, можно было понять, что это за вещь. Цзян Шинин сначала замер, а потом и вовсе отодвинул комод ещё немного, открыв больше пространства на полу.

Под комодом оказалось три медных гвоздя с жёлтыми талисманами, направленные на юго-запад, северо-восток и северо-запад соответственно.

— Это... что за талисман? Для долголетия и здоровья? — Цзян Шинин, постояв рядом с талисманами, вдруг почувствовал, как тело его слегка нагревается.

Странно. С тех пор как он стал одинокой душой, скитающимся призраком, он больше не чувствовал «жара». Его всегда окутывала ледяная стужа, и он уже привык к холоду. Внезапное тепло было непривычным.

И он с опаской отступил на пару шагов.

Сюэ Сянь, любивший вставить колкое словцо, не мог говорить — рот ему зажали.

И потому его вопрос повис в воздухе, никто не отвечал — неловко вышло.

Лишь когда Сюань Минь изучил содержание всех трёх талисманов, он спокойно ответил:

— Расклад фэншуй.

Сюэ Сянь: «...» Прямо открытие.

Шум в комнате заставил ждущего советника Лю не выдержать. Он посмотрел на дверной косяк и, наконец, не утерпев, подошёл к двери и спросил внутрь:

— Мастер, что-то случилось? Мой глупый сын опять набедокурил?

Казалось, он эту комнату на дух не переносил — ни за что не переступил бы порог, стоял у двери и с отвращением косился на груды слитков.

Услышав голос, Сюань Минь поднялся, переступил порог и вышел в основную комнату. Он спросил советника Лю:

— Кто живёт в северо-западной комнате?

Советник Лю с недоумением посмотрел в сторону северо-востока:

— Это я там живу.

Сюань Минь взглянул на него и добавил:

— Северо-восток.

Советник Лю:

— А? Северо-восток? Там живёт мой младший сын Лю Цзинь, тот, что сегодня утром в колодец свалился. Мастер, а вы к чему? Что, с комнатами что-то не так?

Сюань Минь не сразу ответил, выдержал паузу и лишь потом произнёс:

— Вы слышали о раскладе «Отвод реки в море»?

На его лице не было ни радости, ни гнева — по-прежнему холодная бесстрастность, будто он спросил о чём-то обыденном, вроде еды или питья. Однако лицо советника Лю резко побелело.

Он застыл у двери, остолбенев, несколько мгновений не двигался. Потом повёл глазами, мельком глянув в сторону комода в комнате. Увидев, что комод сдвинут, лицо его стало ещё мрачнее:

— Это... это... честно говоря, мастер, последние пару лет здоровье моё пошатнулось, вот я...

Советник Лю, стоя в дверях, начал запинаться, а Цзян Шинин уже не был на прежнем месте. Когда советник Лю заглянул внутрь, он отступил на пару шагов вглубь, как раз скрывшись от его взгляда. Во-первых, потому что мёртвый, вдруг появившийся перед знакомым, мог навлечь беду, а во-вторых... едва увидев советника Лю, он не мог сдержать подступающую ненависть.

Вспомнив, какие муки терпели его родители перед смертью, он стиснул зубы.

Пока он стоял у стены, сдерживая ярость, Лю Чун, который всё это время приводил в порядок бумажные слитки, наконец заметил талисманы на полу.

<http://bllate.org/book/16289/1467771>